

ЗРИТЕЛЬ — КРИТИК — ДРАМАТУРГ

В № 207 «Известий» была напечатана статья о литературной критике. Сегодня публикацией статьи драматурга В. Розова мы продолжаем начатый разговор.

НАЧИНАЕТСЯ новый театральный сезон. Разумеется, мне, как, вероятно, и всем работникам театра, хочется, чтобы он был на редкость интересным. Тем более, что предпосылки к этому были заложены в предыдущем сезоне. Я попытаюсь сейчас высказать несколько мыслей по вопросам, интересующим, на мой взгляд, тех, кому дорог театр. Мысли эти будут касаться зрителя — критика — драматурга. Прежде всего хочу сказать на ту прямую и косвенную зависимость, в которой находится драматург с критиком и зрителем. Эта зависимость во многом определяет судьбу развития нашей драмы.

Первым условием, которое необходимо для развития нашей драмы, — умный, взыскательный, хорошо образованный драматург.

Образованность эта, конечно, не есть одна книжная начитанность, которая даже порой может вырабатывать в человеке предвзятое отношение к явлениям жизни. Образованность (если так можно выразиться) — это доведение себя до такого состояния, когда человек остро и тонко понимает все самые лучшие, самые прогрессивные движения своего времени и прилагает все усилия, чтобы своей работой способствовать их развитию. Драматург обязан также чувствовать и движение искусства, помогать этому движению. Вероятно, мне подскажут, что драматург должен быть еще и... талантливым.

Талант — это то зернышко, которое каким-то чудом упало в человека. Это зернышко требует полива, удобрения, рыхления, прополки от сорняков. Тогда это зернышко прорастет, даст цветы и плоды. А то и завянет.

Кстати говоря, иногда критики усердно хотят, чтобы из макового зернышка непременно выросла тыква. Они и удобрять это самое зернышко начинают, как тыквенное. Зачем? Именно индивидуальность делает произведения неповторимыми, не похожими одно на другое.

Должен сказать, что в последнее время многие критики все внимательнее и терпеливее относятся к индивидуальности, и поэтому резким диссонансом звучат те статьи, где автору прописывают чужеродные рецепты.

Еще об авторе вот что мне хочется сказать: наши пьесы бедны мыслями. Редко какую-либо пьесу хочется посмотреть или перечитать второй раз. Происходит это потому, что мы часто скользим по поверхности, пишем, так сказать, в двух измерениях. А ведь искусство, в отличие от физики, знает даже и четвертое измерение. Умение работать в четырех измерениях — непременная обязанность литературы. Длина, ширина, высота... и нечто! Вот эта-то объемность произведения и привлекает к себе, заставляя перечитывать пьесу два, три, пять, десять раз.

ТЕПЕРЬ о зависимости драматурга от зрителя и критики. Зритель и критик формируют драматурга. Они могут помогать

его развитию или мешать. Думаю, что скажу от лица всех драматургов, что вряд ли зритель подозревает, какого душевного и нервного напряжения стоит автору премьеры. Тут говорит не честолюбие, не корысть, а ответственность. Автор ощущает зрительный зал всем своим существом, каждым нервом. И надо честно сказать, что отношения автора и зрителя далеко не всегда просты. У нас бывает еще мнение, что разбираться в вопросах искусства ничего не стоит — легче легкого, что для этого не нужно никакой подготовки.

Бесспорно, никто никого не просит молчать или говорить не то, что хочется. Но надо не забывать, что нужно учиться понимать искусство. Поэтому возникновение широчайшей сети университетов культуры, народных театров должно помочь не только духовному росту тех, кто в них учится или работает, но и развитию всей нашей культуры, в том числе театральной.

А то ведь такое иногда приходится слышать об искусстве... Доходит и до печальных курьезов.

Я помню запись в книге отзывов на выставке прославленного скульптора С. Коненкова — «Как не стыдно советскому художнику выставлять напоказ голых женщин и мужчин». К сожалению, подпись была неразборчива, но после нее стояло: «...студентка пятого курса». А совсем недавно зритель Щепнин, просмотрев пьесу Гарсиа Лорки «Дом Бернарды Альбы» в театре им. Станиславского, написал письмо в Министерство культуры, где задает риторический вопрос: для чего столь пошлую, грязную и совершенно ненужную для каждого здравомыслящего человека пьесу протащили на сцену одного из столичных театров!!!

Следует сказать со всей определенностью о том, что публика, заполняющая наши театры, далеко не однородна. Мы бываем свидетелями, когда очень посредственная пьеса и посредственный спектакль имеют определенный успех, и постановка выдерживает сотни представлений с аншлагами. Плохо ли это? И да, и нет. Плохо, что театр в погоне за зрителем может пасть на легкомысленную дорожку развлекательности. Плохо также, что драматург, опытный зрительским успехом, может потерять (или так никогда и не обрести) художественные критерии своей работы. Сколько раз мне приходилось встречаться с авторами слабых пьес, идущих с большим успехом. И в ответ на критические замечания драматург в таких случаях отвечал: «А вы посмотрите, как ее (пьесу) принимают!».

Вот тут-то мне и хочется сказать несколько слов о критике.

Критик — лицо, стоящее на страже интересов и зрителя и драматурга. Это очень важное лицо в деле развития нашего театра и драматургии. Очень! Оно должно определять состояние нашего театра, давать верные и живые ориентиры для его развития. И здесь, в этом триумvirате: зритель — критик — драматург, иногда создается ложная коллизия. Бывает так, что критик пишет похвальное слово в адрес весьма и весьма средней пьесы, печатает это слово в газете и тем самым санкционирует и поощряет фальшь. А зритель справедливо сердится и говорит: «Нет, поразительно, до какой же степени наши писатели оторваны от действительности!».

Именно критик вместе с людьми, непосредственно руководящими нашим театральным искусством, способен сделать многое. Для нас, драматургов, также очень существенна чисто художественная оценка вещи, потому что если нет в наших пьесах художественности, нет искусства, то и ценность их значительно падает. Кому, как не критикам, знать, что суще-

ствуют объективные законы искусства? Законы эти сложны, тонки, критик обязан чувствовать их всем своим существом, реагировать на них. Однако критик должен не только строго блюсти законы искусства, но и помогать прокладывать новые пути, ибо всякая канонизация в вопросах творчества вредна, она тормозит развитие драмы и театра.

Мне кажется, что критика до обидного мало уделяет внимания поэтической стороне нашего дела. Ведь если автор не осмыслил жизнь поэтически, не преобразил ее своей творческой фантазией, жизнь эта на сцене будет бледна, бедна, скучна, какой бы великолепный факт ни отображался в пьесе. В наших драмах слабо поэтическое начало, и оттого они хоть и похожи на жизнь, но скучны.

Критики должны уделять внимание художественной стороне произведения, но еще в большей мере они должны раскрывать и переводить на публицистический язык идеи автора для того, чтобы эти идеи лучше, вернее доходили до зрителя. И именно эта сторона вопроса должна быть наиболее острой в статьях критики. Написал я, допустим, пьесу «В поисках радости». Подавляющее большинство рецензий и статей только констатировало, что эта пьеса посвящена борьбе с мещанством. Ну и что? Разве такая констатация интересна кому-либо? А вот откуда у нас берутся мещанство, какие формы его бывают, какова его сила? Как людей мобилизуют на борьбу с мещанством практически? Где его «ушко», за которое берут и выводят «на солнышко»? Ведь каждый автор в своей пьесе борется за что-то и против чего-то. Очень уныло, когда весь смысл пьесы остался достоянием театрального представления и не откликнулся хотя бы отдаленным эхом в жизни.

К сожалению, у нас пьесы бывают иногда театральным событием, но жизненным событием не становятся. Приведу еще пример. Написал А. Арбузов «Иркутскую историю». Рецензий-статей вышло много. И почти ни в одной из них центром не стал тот жизненный вопрос, который интересовал А. Арбузова. Я слышал, что армянский драматург Тер-Григорьян написал пьесу, смысл которой можно определить как «Антииркутская история». Автор страстно полемизирует с Арбузовым, он казнит девушку за измену, считает, что ей нет оправдания. Кто же прав: Арбузов или Тер-Григорьян? А может быть, оба правы?

Лично меня, конечно, интересуют обе пьесы, но еще больше интересует жизнь.

А ТЕПЕРЬ я сам себе задаю вопрос: с какой целью, зачем я пишу эту статью? А вот с какой: я очень люблю театр и драматургию, с наслаждением работаю в этой области, но меня, как и многих деятелей театра и зрителей, все время не покидает чувство неудовлетворенности нашей (и моей, в том числе) драматургией. Мало в ней искусства: глубины мысли, силы характеров, страстности, четкости формы, изящества диалогов, душевной тонкости. Мало красоты. Мало поэтического видения жизни. Боже упаси, если поймут меня так, что я хочу видеть пьесы сахарные. Поэтичность с наименьшей силой звучит и в самых нежных стихах Пушкина и в самых тяжелых эпизодах романов Толстого. Думаю, мне, что — если мы все сообщаем — зритель — критик — драматург — удвоим и утроим свою требовательность к театру и драматургии, отбросим множество ненужных условностей, которыми мы сами себя порой сковываем, дела наши пойдут лучше.

В. РОЗОВ.